

Asya
Qui

ПОБЕГ
в объятия
ВРАГА

Asya Qui

Побег в объятия врага

<https://litres.ru/74206049>

Аннотация

Правило №1: Не садись в машину к незнакомцам.

Правило №2: Не влюбляйся в того, кто купил тебя за долги отца.

Правило №3: Если нарушила первые два — беги.

Амине Серебряковой 22 года, но она знает о жизни меньше, чем среднестатистический подросток. Домашнее воспитание, тотальный контроль и никакой свободы. Когда отец заявляет о свадьбе с незнакомцем, она делает то, чего никто не ожидал — сбегает.

Демид Волков получает всё, что хочет. Компанию конкурента — пожалуйста. Полный контроль — само собой. Невесту в нагрузку к сделке — почему бы и нет? Вот только судьба подкидывает ему сюрприз: его будущая жена сидит в соседнем кресле и врет про свое имя.

1000 километров пути.

Она не знает, кто он.

Он знает о ней всё.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	12
Глава 3.	20
Глава 4.	29
Глава 5.	35
Глава 6.	43
Глава 7.	50
Глава 8.	63
Глава 9.	71
Глава 10.	75
Глава 11	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Глава 1.

Демид

Телефон дрожит на столешнице, подсвечивая имя Кати в мессенджере. «Серебряков в лифте. Поднимается».

Откатываюсь назад вместе с креслом. Итальянская кожа тихо вздыхает подо мной. Разворачиваюсь к панорамным окнам.

Виктор Павлович Серебряков.

Десять лет я ждал этого момента. Десять гребаных лет.

В горле першит. Тянусь к графину с водой. Наливаю, делаю глоток. Ледяная вода обжигает пищевод, растекается по груди.

Десять лет назад я стоял перед ним как проситель. В дешевом костюме с Савеловского рынка, который натирал подмышками. Помню запах его кабинета. Кожа, дорогой табак и что-то еще... презрение. Да, презрение тоже имеет запах.

Он тогда даже не встал из-за стола. Покачивал коньяк в бокале.

«Мальчик из Бирюлева хочет играть с большими дядями?» — губы растянулись в усмешке. — «Это мило. Возвращайся, когда подрастешь».

Мальчик из Бирюлева.

Челюсть сводит от напряжения. Разжимаю зубы, растираю виски.

После той встречи я неделю не мог есть. Желудок скручивался в тугой узел при одной мысли о еде. Просыпался в три утра, шел в ванную и блевал желчью, пока ребра не начинали трещать от спазмов.

Дверь распаивается. Виктор входит. Хотя нет, входят люди. А он... вползает. Как побитая дворняга, которая знает, что сейчас получит пинка, но все равно лезет к миске.

Где твоя спесь, Витек? Где золотые запонки и парфюм за две тысячи евро?

Волосы поседели неравномерно. Седые клоки перемешаны с крашеными прядями. Попытка сохранить молодость, жалкая и очевидная. Щеки обвисли, под глазами мешки цвета баклажана. Похудел килограммов на пятнадцать минимум.

Долги сожрали его изнутри. Оставили шкуру на костях.

— Демид Аркадьевич, — каркает он.

Киваю на кресло.

Он опускается. Кожа под его задом издает неприличный чавкающий звук. Вспотел, видимо, пока поднимался. Или это у меня в ушах чавкает от удовольствия.

Молчу. Тянусь к хьюмидору неспешно, будто у меня впереди вечность. Открываю крышку — кедр пахнет божественно. Перебираю сигары, щупаю, нюхаю. Выбираю одну.

Обрезаю кончик гильотиной. Щелк. Серебряков дергается от звука.

Прикуриваю от настольной зажигалки. Первая затяжка —

кедр, специи, легкая сладость какао. В легких разливается тепло.

А Серебряков потеет. Прямо вижу, как на лбу выступают капельки, собираются в ручейки, стекают к вискам. Рубашка на спине уже небось промокла насквозь. Галстук съехал, открывая влажную шею с выпирающим кадыком. Пальцы тебят манжеты.

Нервничает.

Внутри меня поднимается волна такого острого удовольствия. Это лучше секса, клянусь. Десять лет назад это я обливался потом в его приемной. Три часа на кожзаме, который к жопе прилипал. Секретарша смотрела как на говно. "Вам назначено? Нет? Тогда ждите, молодой человек".

— Я обдумал ваше предложение, — выдавливает он наконец.

Предложение. Я фыркаю в нос, дым вырывается струйкой.
— И?

— Пятьдесят процентов компании... — кадык дергается судорожно. — Демид Аркадьевич, может, найдем компромисс? Тридцать процентов и ежемесячные выплаты по долгу. Любая ставка в разумных пределах. Или даже сорок, если договоримся о реструктуризации...

Поднимаю ладонь. Замолкает на полуслове, рот остается приоткрытым.

— Семьсот миллионов. У тебя есть?

Молчание. Только хриплое дыхание.

— Я не слышу ответа, Виктор. Семьсот миллионов рублей. Наличными, на счетах, в активах — где угодно. Есть?

— Вы прекрасно знаете, что нет.

— Тогда какого хрена ты припёрся торговаться?

Встаю резко. Кресло откатывается, ударяется о стеллаж. Подхожу к окну.

— Думаешь, я фонд помощи обосравшимся бизнесменам?

Разворачиваюсь. Он съежился в кресле.

— Пятьсот миллионов основного долга. Двести — проценты за три года. Закрываю все одним траншем. Сегодня. Сейчас. Более того — вливаю свежую кровь в твойдохлый бизнес. Спасая от банкротства, от судебных приставов, от позора. Взамен получаю половину компании и...

— И мою дочь.

Слова вылетают как плевок. Челюсти сжаты так, что желваки ходят ходуном. В глазах — ненависть. Чистая, концентрированная, почти осязаемая.

Отлично. Пусть ненавидит.

— Именно.

Возвращаюсь к столу, выдвигаю верхний ящик. Папка с документами — пятьдесят страниц юридической казуистики. Мои юристы постарались. Швыряю на стол перед ним.

— Брачный контракт. После регистрации получаю право управления семейными активами. При рождении первого наследника — полное право наследования твоей доли. Раз-

вод только по обоюдному согласию. При инициативе с твоей стороны или стороны дочери — неустойка. Миллиард рублей.

Его трясущиеся руки хватают документы. Листает, но не читает — глаза бегают слишком быстро.

— Ты с ней даже не знаком, — говорит он. — Ни разу не встречался. Не разговаривал. Черт, ты же ее даже не видел!

— И? — пожимаю плечами.

— Господи, Демид! — он вскакивает, документы падают на стол. — Это же бред! Как можно жениться на девушке, которую ты в глаза не видел?

Видел. Одну фотографию. Месяц назад его помощник прислал. Худенькая девчонка в школьной форме, прижимает к груди стопку учебников. Косички. Испуганные глаза. Это было десять лет назад. Сейчас ей двадцать два.

Интересно, что выросло. Красавица? Дурнушка? Хотя какая, в жопу, разница.

— Молодая? — спрашиваю.

— Двадцать два года.

— Здоровая?

— Абсолютно здорова. Медкарта идеальная.

— Из хорошей семьи. Чего еще желать? Родит наследников — и достаточно.

Специально говорю грубо, цинично. Хочу видеть, как его корежит. И да — корежит знатно. Лицо каменеет, ноздри раздуваются.

— Амина... — начинает он и запинаятся. — Она домашняя девочка. Тихая. Покладистая. Всю жизнь с нами прожила, из дома почти не выходила без сопровождения.

— Отлично. Истерик не будет закатывать.

— Она... неопытна, — он краснеет. — В смысле отношений. Мы ее оберегали. Может, даже слишком.

Неопытна. Это он так деликатно сообщает, что дочка — девственница? Для жены самое то. Никаких бывших, никаких сравнений, никаких "а вот мой бывший делал по-другому".

— Свадьба через месяц. Успеешь?

— Разумеется. Все на высшем уровне. «Метрополь», триста гостей минимум...

— Не надо цирка. ЗАГС, роспись, обмен кольцами. Можешь человек пятьдесят позвать — родственников, друзей семьи. Чтобы не выглядело как купля-продажа.

Хотя это именно купля-продажа. Я покупаю его дочь за семьсот миллионов. Дорого? Может быть. Но я плачу не за девчонку, а за унижение Виктора Серебрякова. За то, чтобы видеть, как он продает собственную дочь.

— Когда ты хочешь познакомиться с Аминой? — спрашивает он. — Может, ужин устроим? Семейный. Или просто встретитесь, поговорите, узнаете друг друга?

— Зачем? На регистрации увидимся.

В его глазах калейдоскоп эмоций. Шок, возмущение, отчаяние, злость. Все гаснет за секунду. Он не в позиции воз-

мушаться.

— Хотя бы один ужин? — просит он. — Чтобы девочка привыкла к мысли. Она же... она надеется на нормальное замужество. По любви.

По любви. Меня аж передергивает от этого слова. Любовь — для нищих и идиотов, которые путают гормональный всплеск с высокими чувствами.

— Виктор, — наклоняюсь через стол.

Он отшатывается. В глазах страх.

— Твоя задача проста как три копейки. Привести дочь в ЗАГС в назначенный день. В белом платье. С улыбкой на лице. Всё. Остальное меня не ебет. Понятно?

— Да. Понятно.

— И еще кое-что, — добавляю. — Если она сбежит, устроит истерику, откажется выходить или любым другим способом сорвет сделку — я выбью долги через суд. Все до копейки. С конфискацией имущества. Квартиры, дачи, машины, счета. Твоя жена будет у метро с протянутой рукой стоять. Это тоже понятно?

Кадык дергается. Он кивает.

— Документы подпишешь внизу. Нотариус ждет. Катя проводит.

Встаю. Он поднимается следом, движения деревянные, скованные. Протягивает руку для рукопожатия.

Смотрю на его влажную ладонь. Даже не шевелюсь. Нахера мне эта потная конечность?

Он опускает руку, трет о брюки.

— Демид, я прошу только об одном, — голос дрожит. — Не будь с ней жесток. Она ни в чем не виновата. Просто... оказалась заложницей ситуации.

— Всё? — спрашиваю.

— Да. Всё.

Иду к двери, открываю. Он плетется следом. В дверях оборачивается.

— Демид... Амина действительно хорошая девочка. Добрая. Наивная. Домашняя. Прошу...

Захлопываю дверь прямо перед его носом.

Возвращаюсь к столу. Сигара дотлевает в пепельнице.

Жесток? Да мне вообще похер на эту девчонку. Штамп в паспорте, пара наследников для фамилии, отдельные спальни. Пусть шопится, ходит по салонам, встречается с подружками. Главное — в мою жизнь не лезет.

Глава 2.

Амина

Рюкзак с единорогом смотрит на меня с кровати. Розовый рог блестит в свете ночника. Дурацкие пайетки, которые Мишка специально выбрал. Знал же, гад, что я терпеть не могу все это девчачье-розовое. Подарил на день рождения, ржал как конь:

— Вот тебе, принцесса, для побега из башни. Когда надумаешь свалить от предков — самое то!

Ну что, Мишаня, не зря старался. Твое пророчество сбывается.

Сижу на полу уже минут двадцать. Колени подтянуты к груди, пятки утопают в ворсе турецкого ковра. Мама его полгода выбирала по каталогам, потом еще три месяца ждала доставку. Ручная работа, натуральный шелк, тридцать тысяч за квадратный метр. "Только лучшее для нашей Аминочки".

Ага, конечно. Лучшая клетка с лучшими прутьями. WiFi есть, кондиционер работает, еда три раза в день. Чего еще желать?

Свободы, блин. Вот чего.

Ладони противно влажные. Вытираю их о пижамные штаны.

Ползу к комоду на четвереньках. Встать лень, да и тише так. Выдвигаю нижний ящик. Он всегда поскрипывает, но

если тянуть медленно и чуть вправо, то почти беззвучно.

Белье. Господи, ну что за кошмар. Все либо белое с рюшечками, либо в мелкий цветочек. Хлопок стопроцентный, «дышащий». Я один раз попросила купить что-нибудь... ну, взрослое. Черное там, кружевное. Мама посмотрела так, будто я предложила на панель пойти работать. «Аминочка, это же вульгарно! Приличные девушки такое не носят!»

Хватаю что попало, запихиваю в рюкзак. Пять трусов — это много или мало для побега? А если стирать негде будет? Кидаю еще три. И лифчики. Тоже белые, с поролоновыми вставками, потому что своей груди у меня кот наплакал.

Джинсы. Мои две штуки единственных, выстраданных джинс. Мама полчаса в магазине причитала: "Зачем тебе эти рабочие штаны? У нас есть прекрасные платья!" Но я уперлась. Первый раз в жизни уперлась и добилась своего.

Футболки — три штуки.

И всё.

Сползаю обратно на пол, смотрю на свое богатство. Вся моя подготовка к взрослой жизни. Детский рюкзак, белье для монашки и две помятые тысячные из заначки.

В груди все сжимается в тугой узел. Я же ничего не умею. Я же ничего не умею.

Вообще.

Ни-че-го.

Готовить? Максимум — чай заварить. И то в пакетиках. В прошлый раз решила яичницу сделать. Мария Петровна

потом три часа кухню отмывала, а сковородку вообще выкинули. «Зачем барышне на кухне пачкаться?» — это она так сказала, отбирая у меня нож, которым я пыталась лук порезать. Палец порезала. Лук остался целым.

Работать? А что я умею? Диплом филфака и что с ним делать? В школу учительницей? Меня дети сожрут за первый же урок.

Документы. Вот это вообще финиш. Паспорт — в папином сейфе. СНИЛС — там же. Медполис, права на квартиру бабушкину, которую мне по завещанию оставили, — всё там. «Для сохранности, Аминочка. Ты же такая рассеянная».

Может, остаться?

Мысль противная, липкая, но лезет в голову. Сейчас встану, разберу рюкзак, лягу спать. Утром спущусь к завтраку как ни в чем не бывало. «Доброе утро, папочка. Да, конечно, выйду за вашего Демида Аркадьевича. С радостью. Когда прикажете явиться на примерку платья?»

Желудок скручивается так резко, что едва успеваю зажать рот рукой. Блин, сейчас вырвет прямо на мамин турецкий ковер ручной работы.

Демид Аркадьевич Волков. Даже имя как из старого советского фильма. Ему небось лет пятьдесят. Лысый. С пухом. Храпит. И руки потные...

Вчерашний разговор всплывает в памяти во всех подробностях.

Сидела в папином кабинете. Папа что-то строчил в своем

молескине — у него их штук двадцать, все черные, все одинаковые. Мама теребила свои вечные жемчуга у окна.

— Амина, — папа даже не поднял голову. — Нашелся человек, готовый взять тебя в жены.

Я сначала не поняла. Серьезно не поняла. Слова вроде русские, знакомые, но смысл...

— Чего? — выдавила.

Папа дописал предложение. Аккуратно поставил точку. Закрыв колпачок на своей понтовой ручке. И только потом поднял на меня взгляд.

Я тогда вздрогнула. Он смотрел не на меня. Он смотрел на вещь. На неодушевленный предмет, который нужно сбыть с рук побыстрее и повыгоднее.

— Свадьба через месяц. Портниха завтра придет мерки снимать. Маникюрша тоже. И косметолог — надо что-то с твоими бровями сделать.

— Стоп! — вскочила так резко, что кресло покатилося назад. — Какая свадьба? С кем свадьба? Вы о чем вообще?

— С Демидом Аркадьевичем Волковым. Успешный предприниматель. Состоятельный человек. Тебе повезло.

Повезло. МНЕ. ПОВЕЗЛО.

— Я его даже не знаю! Никогда не видела!

— Познакомишься.

— Когда?!

— На церемонии.

В ушах зашумело. Реально зашумело, как будто кровь

вскипела и забурилась. В глазах потемнело на секунду.

— То есть я должна выйти замуж за чувака, которого ни разу в глаза не видела?

— Не выражайся, — папа поморщился. — И не драматизируй. Это обычная практика.

— В каком веке? В двенадцатом?

— Браки по расчету существуют и сейчас. Объединение капиталов, укрепление связей...

— А любовь? — голос сорвался, стал тонким, жалким. — Папа, а как же любовь?

Он усмехнулся. Одним уголком губ, как делает, когда считает собеседника идиотом.

— Любовь... У семьи долги, Амина. Серьезные долги. Семьсот миллионов. Твой брак — единственный способ их покрыть.

Семьсот миллионов.

Меня оценили в семьсот миллионов рублей.

— То есть вы меня продаете? — слова вылетели сами. — Как корову на рынке?

Мама ахнула. Жемчуга в ее руках жалобно щелкнули.

— Амина! Как ты можешь! Мы думаем о твоём будущем!

— О моем будущем? Seriously? — развернулась к ней. — Мам, вы продаете меня незнакомому мужику! Это мое светлое будущее?

— Никто тебя не продает, — папа встал, обошел стол. Навис надо мной — высокий, широкий в плечах. Раньше я ду-

мала, что он меня защищает. Оказалось — он мой главный тюремщик. — Ты выполняешь долг перед семьей. Выйдешь замуж. Родишь наследников. Будешь жить в достатке.

Наследники. Меня чуть не вывернуло прямо там, в кабинете.

— Мне двадцать два года! — почти закричала. — Я даже не целовалась нормально!

Ну, был Женька Морозов в седьмом классе. За школой, пять секунд, он жвачкой с чесноком вонял. Это не считается.

Папа поморщился, как от зубной боли.

— Тем лучше. Демид Аркадьевич оценит твою... невинность.

— Я не пойду за него! — топнула ногой. По-детски, глупо, но больше ничего не оставалось. — Не пойду, и всё!

— Пойдешь.

Голос стал другим. Жестким. Холодным. Тем самым, которым он разговаривает с должниками по телефону.

— Или отправишься в монастырь. В Вологодскую область. Будешь молиться за грехи семьи до конца своих дней.

Монастырь. Он не шутил — я это поняла сразу.

— Мама! — повернулась к ней, последняя надежда. — Мам, ну скажи же что-нибудь!

Но она смотрела в окно. Профиль бледный, губы поджаты в ниточку.

— Послушайся отца, Аминочка. Так будет лучше. Для всех.

Для всех, кроме меня.

Встала тогда. Что-то внутри сломалось. Хрустнуло и рассыпалось на мелкие осколки.

— Я подумаю, — соврала.

— Думать нечего. Решение принято.

— Хорошо, папочка. Как скажешь.

Вышла из кабинета. Спину держала прямо, шла медленно. А внутри все тряслось мелкой противной дрожью.

— И не вздумай глупостей наделать! — крикнул вслед. — Охрана предупреждена!

Встаю с пола. В коленях хрустит, ноги затекли.

Рюкзак легкий. Крадусь к окну. Занавеску отодвигаю на миллиметр. Василич как раз сворачивает за угол. Луч фонарика прыгает по кустам и исчезает. Отлично.

Выхожу на балкон. Босиком — кроссовки в руках, чтобы не топать. Ночь душная, липкая. Пахнет розами из мамино-го сада. Этот запах я буду помнить всегда, запах моего последнего вечера дома.

Смотрю вниз.

О-о-ох, блин.

Днем, когда я это планировала, казалось — фигня, второй этаж. А сейчас... Сейчас там внизу не клумба, а пропасть. И розы. Машины любимые чайно-гибридные розы с шипами размером с мой мизинец.

Водосточная труба слишком далеко. Да и ржавая она, под моим весом точно отвалится.

Значит, прыгать.

Блин-блин-блин.

Перекидываю ногу через перила. Мрамор холодный, скользкий от росы. Вторая нога. Вишу, вцепившись в балясины. Ладони уже мокрые — то ли от страха, то ли от той же росы.

Не думать. Просто разжать пальцы и...

— Мяу?

Замираю.

Барсик. Мамин толстый британец сидит на соседнем балконе. Смотрит на меня круглыми желтыми глазищами.

— Тихо, — шиплю. — Молчи, скотина!

Барсик наклоняет голову. Открывает пасть...

— Не смей! Барсик, я тебя кормлю! Предатель, не смей орать!

Но он уже набирает воздух. Сейчас заорет на весь дом. Разжимаю пальцы.

Глава 3.

Секунда полета и розы встречают меня как старые недруги.

Шипы впиваются везде — в ладони, в колени, протыкают джинсы насквозь. Но лодыжка... О черт, черт, ЧЕРТ! Будто кто-то взял раскаленный гвоздь и вбил его прямо в кость. Мир на мгновение становится белым, потом возвращается, но теперь качается.

Лицо утыкается в землю. Во рту — песок вперемешку с чем-то горьким. Удобрения, наверное. Те самые, которыми наш садовник поливает мамины розы каждую пятницу. "Натуральные, из конского навоза", — гордо рассказывал он маме. Супер. Я жру конское дерьмо.

Выплываю эту гадость, но привкус остается. В ушах звенит. Или это сверчки? Нет, это мои мозги прощаются со мной.

Пробую пошевелить левой ногой.

— А-а-а... — стон вырывается сам, я даже рот зажать не успеваю.

В лодыжке будто фейерверк взрывается. Каждый нерв орет благим матом. Господи, я что, ради этого из окна прыгала? Чтобы сдохнуть в маминых чертовых розах и стать удобрением для следующего сезона? "Розы в этом году особенно пышные, Зинаида Петровна!" — "Да, мы дочку под них за-

копали, отличная подкормка вышла!"

Ладони упираются в землю. Поднимаюсь на четвереньки. Из проколов на ладонях сочится кровь, не фонтаном, но достаточно, чтобы испугаться.

Но это все фигня. Детский лепет по сравнению с ногой.

Дотягиваюсь до ствола яблони. Кора шершавая, мокрая от ночной влаги. Подтягиваюсь, встаю на правую ногу. Держит. Слава те господи, хоть что-то работает. Осторожно, миллиметр за миллиметром, переносу вес на левую...

Рот открывается для крика, но я впиваюсь зубами в собственный кулак.

Так, Амина. Думай. У тебя был план, помнишь? Гениальный план побега. Задние ворота. Степаныч. Старый алкаш Степаныч, который дрыхнет на посту с одиннадцати вечера. Папа грозился его уволить еще когда мне пятнадцать было. Но Степаныч каждый раз клялся на могиле матери, которая, кстати, жива и продает семечки у метро, что исправится. И папа его прощал. Потому что Степаныч еще с дедом работал, а папа сентиментальный идиот в глубине души.

Скачу на одной ноге от дерева к дереву. Хватаюсь за ветки, за стволы, за что угодно. Правая нога уже ноет от перенапряжения, бедро сводит судорогой. А левая... левая пульсирует в такт сердцебиению. Бух-бух-бух — и каждый "бух" отдается болью.

Господи, а если папа уже проснулся? Вдруг ему приспичило проверить, на месте ли его "сокровище"? Сейчас зай-

дет в комнату, увидит пустую кровать и...

"Поднимайте всех! Моя дочь сбежала! Перекрыть дороги! Аэропорты! Вокзалы! Найти и вернуть!"

Да нет, он еще спит. Должен спать.

Вот она, будка Степаныча. Окошко светится желтым. Черт! Неужели не спит? Подкрадываюсь, прижимаясь к стене. Заглядываю в мутное от грязи стекло.

Фух...

Степаныч дрыхнет. Седая голова лежит прямо на столе, щека расплющена о столешницу. Рядом граненый стакан с остатками чая и кроссворд.

Прокрадываюсь мимо будки. Вот она, калитка. Маленькая, неприметная, для садовников и прочей обслуги. С кодовым замком.

1507.

Пятнадцатое июля. Папин день рождения. Гениально, пап. Супер-секретный код, который я взломала в десять лет.

Пальцы дрожат, промахиваются мимо кнопок. Первая попытка — мимо. Вторая — опять. Да что ж такое!

— Спокойно, дура. Соберись.

Пик. Пик. Пик. Пик.

Зеленая лампочка! Есть!

Толкаю калитку, выскальзываю наружу. Аккуратно прикрываю за собой.

И вот я стою на пустой улице элитного поселка. В порванных джинсах, окровавленная, с ногой-колодой. Свобо-

да, блин. Она выглядит как-то не так, как я представляла.

Фонари горят через один. Между домами-крепостями черные провалы. В одном окне еще горит свет.

До трассы километра три. Это минут сорок быстрым шагом. А мне с моей ногой... часа два? Три?

А может...

Может, вернуться? Пока не хватились. Тихонько проскользнуть обратно, залезть в окно, лечь в кровать. Утром скажу, что всю ночь проспала. Никто ничего не узнает.

"Демид Аркадьевич оценит твою невинность".

Желудок сжимается в кулак. Кислота поднимается к горлу, обжигает пищевод. Я даже согнулась от тошноты.

Нет. НЕТ. Хоть ползком, хоть на брюхе, но я отсюда сваляю. Пусть подавится своими семьями миллионами. И Демид Аркадьевич пусть подавится. И вообще все пусть подавятся.

Ковыляю вдоль заборов. Адреналин еще держит. Чувствую, как он струится по венам, заглушает боль, гонит вперед. Но долго это не продлится. Час? Два? А потом я просто упаду где-нибудь посреди дороги.

За спиной взревел мотор.

Все.

Сердце проваливается куда-то в район кишок. Ноги становятся ватными. Это папины ребята. Точно. Сейчас выскочат, скрутят, потащат обратно.

Ныряю за ближайшую тую. Ветки хлещут по лицу, цара-

пают руки. Зажимаю рот ладонью, чтобы не дышать слишком громко.

Машина проезжает мимо. Просто сосед. Выдыхаю так резко, что голова кружится.

Выползаю из куста, отряхиваюсь. В волосах застряли иголки, за шиворот набилась какая-то труха. Но я жива и на свободе. Пока что.

Дальше. Надо двигаться дальше.

Дома закончились. Начался пустырь — темный, с высокой травой по пояс. Где-то вдалеке лает собака. Замираю, вслушиваюсь. Наши овчарки? Нет, не похоже. У наших лай басовитее, злее. Это какая-то шавка тявкает.

Еще километр.

Лодыжка уже не просто болит. Она горит. Прямо реально горит, будто кто-то паяльником изнутри жжет. Футболка промокла насквозь — спина взмокла, подмышки тоже. Липкая, противная влага. И вонь от меня, наверное, как от марафонца на финише.

Все. Больше не могу.

Падаю прямо на обочину. Плевать, что грязно. Плевать, что холодно. Просто сидеть. Не двигаться. Может, помереть тут же, чтобы не мучиться.

Два километра. Всего два километра я прошла. А героини в кино? Они же носятся всю ночь на каблуках! Прыгают по крышам! Дерутся с бандитами! А я сдохла после двух километров. Позорище.

Стаскиваю кроссовок с левой ноги. Надо посмотреть, что там. Хотя... может, лучше не надо?

Нет, надо.

— О господи...

Лодыжка раздулась раза в два. Кожа натянулась, стала багрово-фиолетовой. Как баклажан. Огромный уродливый баклажан вместо ноги. Трогаю пальцем — горячая и твердая.

Это все. Финиш. С такой ногой я никуда не дойду. Буду сидеть тут до рассвета, а потом меня найдут. Папа притащит домой, запрет в комнате, и через месяц выдаст замуж за Демида Аркадьевича.

Нет. Вставай, Амина. Вставай, тряпка!

Цепляюсь за столб, подтягиваюсь. Правая нога уже тоже ноет — перенапряглась. Но держит. Молодец, правая нога. Ты моя героиня.

"Я смогу, я смогу, я смогу..."

Бормочу как мантру. Шаг. Больно. Еще шаг. Еще больнее. Но я иду. Ползу, если честно, но движение есть.

Вспоминаю, как в детстве упала с велика. Мне было восемь. Неслась с горки, не вписалась в поворот. Коленки содрала до мяса, платье порвала. Папа орал, что я вечно все порчу. "Новое платье! Тысячу евро стоило!"

А мама...

Мама обняла. Подула на ранки, хотя я уже большая была для этого. "Моя храбрая девочка. Моя смелая Аминочка". И купила мне эскимо в шоколаде. Мы сидели на лавочке, я ела

мороженое и ревела.

Где ты теперь, мама? Почему вчера даже не посмотрела на меня? Отвернулась к окну, теребила свои жемчуга...

Впереди нарастает гул. Низкий, мощный. Машины! Это трасса!

Последние метры почти бегу. Ну, скачу быстрее. Выскакиваю на обочину — и замираю.

Трасса. Настоящая федеральная трасса. Машины несутся в обе стороны, фары режут темноту белыми лучами. Свобода пахнет выхлопными газами и горелой резиной.

Поднимаю руку. Машу. Стою как идиотка с поднятой рукой.

Мимо проносится "мерседес". Потом "бэха". "Ауди". Еще что-то дорогое и недоступное.

Начинаю махать двумя руками. Подпрыгиваю на здоровой ноге.

— Эй! Остановитесь! Пожалуйста! Кто-нибудь!

Голос тонет в реве моторов. Никому нет дела до девчонки на обочине.

Сколько я так стою? Час? Два? Время потеряло смысл. Есть только боль в ноге, жажда и бесконечный поток равнодушных машин.

Ноги уже не держат. Спина ноет так, будто меня переехал каток. В животе урчит целый оркестр — я же со вчерашнего обеда ничего не ела. А пить... Господи, что бы я отдала сейчас за глоток воды. Даже теплой. Даже из лужи.

Черный джип вылетает из-за поворота. Несется по крайней полосе. Под колесами — лужа от вчерашнего дождя.

Не успеваю даже понять, что происходит.

БУХ!

Фонтан грязной воды накрывает меня с ног до головы. Ледяная, вонючая, с привкусом мазута. Стою, моргаю, с меня течет. С волос капает. С носа тоже.

Все.

Это знак. Вселенная говорит: "Амина, хватит выпендриваться. Возвращайся домой, выходи за Демида Аркадьевича и не рыпайся".

Ноги подгибаются. Опускаюсь прямо на мокрый асфальт. Плевать, что грязно — я и так уже вся в этой грязи. Обхватываю колени, утыкаюсь в них лицом.

Может, если очень крепко зажмуриться, то я проснусь? В своей постели, под розовым одеялом. И никакого побега не было. И никакого Демида Аркадьевича тоже.

Сижу. Считаю проезжающие машины. Двадцать... тридцать... сбиваюсь.

— Эй! Садись давай!

Голос. Хриплый, мужской. И близко.

Дергаю головой так резко, что в шее что-то хрустит.

Тот самый черный джип. Стоит метрах в десяти, аварийка мигает оранжевым. Водительское окно опущено. Лица не вижу — темно, только силуэт.

— Ты что, оглохла? Садись, говорю!

Сердце начинает колотиться где-то в горле. Меня подвозят? Правда подвозят? Или это галлюцинации от обезвоживания?

Моргаю. Джип не исчезает.

Стоп. А вдруг это маньяк? Они же по ночам ездят, высматривают жертв. Одиноких девушек на трассах. Завезет в лес, и завтра в новостях: "Найдены расчлененные останки..."

— Долго еще сидеть будешь? У меня времени нет!

Голос раздраженный. Злой даже. Маньяки так не разговаривают. Маньяки вкрадчивые, ласковые. "Садись, красавица, подвезу". А этот рычит как медведь, которого разбудили зимой.

Да какая разница? Хоть маньяк, хоть сам черт — все лучше, чем сдохнуть на обочине.

Глава 4.

Демид

Цифры на приборке светятся кислотно-зеленым: 2:14 ночи. Из динамиков льется какая-то попсовая муть — девица с придыханием поет про вечную любовь и разбитое сердце. Тянусь к кнопке, вырубаю эту пытку для ушей.

Тишина обрушивается на салон. Остается только ровное урчание движка да монотонное шуршание резины по мокрому асфальту.

Поясница ноет, третий позвонок снизу пульсирует тупой болью. Растираю его костяшками пальцев через рубашку. К концу поездки буду передвигаться как гребаный инвалид.

Мог бы долететь. Два часа — и на месте. Но стоит только подумать об этой железной трубе на высоте десять тысяч метров, и внутренности скручиваются в тугой узел.

Пять лет прошло с того полета. Пять лет, а я до сих пор помню каждую секунду. Самолет бросало вверх-вниз как щепку. Женщина через ряд от меня блевала в пакет, промахнулась — рвотные массы полетели на соседа. Мужик орал как резаный. А напротив меня дед крестился и шептал молитвы, глаза закатывал так, что одни белки видны были.

Я сидел, вцепившись в подлокотники. Ногти впились в кожу кресла. И одна мысль колотилась в черепной коробке: какого хрена моя жизнь зависит от двух незнакомых му-

жиков в кабине? От исправности этой летающей консервной банки? От того, не забыл ли механик закрутить какую-нибудь гайку?

Нет. К черту. Лучше потрачу двое суток на дорогу, но хотя бы буду контролировать ситуацию.

На обочине мелькают силуэты. Две девицы в мини-юбках машут руками, пытаются поймать попутку. Ночные бабочки.

Давлю на газ. Стрелка спидометра ползет к ста сорока. Джип проносится мимо — в зеркале заднего вида вижу, как одна показывает средний палец.

Через десять километров — новая картина. На этот раз одна. Тощая как спичка, в мешковатых джинсах. Рюкзак на спине. Стоит прямо на проезжей части, машет обеими руками над головой.

Идиотка. Глухая ночь, трасса пустая, а она тут в одиночку голосует. Инстинкт самосохранения вообще атрофировался у молодежи?

Жму на газ сильнее. Сто тридцать. Сто сорок. Пролетаю мимо размытым пятном.

Но в зеркале заднего вида ловлю момент: девчонка опускает руки, плечи обвисают как у сдувшегося шарика. А потом просто складывается пополам и оседает прямо на мокрый асфальт. Садится на обочину, обхватывает колени руками, прячет в них лицо.

Что-то неприятно царапает изнутри. Где-то под ребрами слева.

Ну и хрен с ней. Села и села. Устала небось стоять. Или обдумывает, как дальше быть. Не мое дело.

Километр. Два. Пять.

А перед глазами все стоит эта картинка. Маленькая сгорбленная фигурка на обочине. Одна. В ночи. Свернулась в комок, как побитая дворняга.

Зараза.

Обычно проститутки хотя бы парами работают. Для безопасности. А эта совсем одна. И место идиотское выбрала — ни заправки рядом, ни кафешки придорожной.

У меня своих проблем по горло. Стройка встала — подрядчики привезли арматуру не того диаметра, придется всю партию менять. Неделя простоя минимум. А мне еще чужие проблемы решать?

Но нога сама ослабляет давление на педаль. Скорость падает. Сто двадцать. Сто. Восемьдесят.

— Сука, — выдыхаю и вдавливаю тормоз.

Покрышки визжат, АБС трещит. Разворачиваюсь через двойную сплошную — хорошо, что встречи нет.

Какого хрена я это делаю? Зачем мне это надо?

Руки сами сжимают руль до побелевших костяшек. В груди клокочет раздражение вперемешку со злостью на самого себя.

Вот она. Все в той же позе. Даже не шевелится на звук мотора. Уткнулась лбом в колени и застыла.

Останавливаюсь метрах в десяти. Через тонированное

стекло разглядываю детали. Тошная до невозможности — одни углы да кости. Волосы спутаны в колтуны. На джинсах пятна грязи. Одежда висит мешком.

Бомжиха? Наркоманка? Из психушки сбежала?

Опускаю стекло.

— Эй! Садись давай!

Голова дергается вверх.

И тут я вижу лицо.

Мать твою. Это же ребенок. Глаза огромные, испуганные, занимают пол-лица. Щеки в потеках грязи вперемешку со слезами. Нижняя губа подрагивает.

— Ты что, оглохла? Садись, говорю!

Она моргает. Раз. Другой. Будто не верит, что это происходит на самом деле.

— Долго еще сидеть будешь? У меня времени нет!

Наконец приходит в себя. Поднимается неуклюже — сначала на четвереньки, потом на одно колено. Хватается за воздух, пытаясь найти опору.

Идет к машине, заметно прихрамывая. Левая нога волочится, на каждом шаге лицо кривится от боли. Зубы стиснуты так, что желваки ходят ходуном.

Тянется к ручке двери.

— Стоять, — рывкаю через окно.

Замирает с распахнутой дверью. В глазах паника.

— Ты же вся грязная как свинья.

— Ну да... грязная, — голос хриплый, сорванный. — Ме-

ня из лужи окатили только что. Вы окатили, кстати.

Я? А, точно. Проезжал мимо, там лужа была. Не заметил даже.

— Сзади пакеты лежат. Возьми парочку, постели на сиденье.

Она открывает заднюю дверь, шарит рукой. Находит пакет из "Перекрестка", аккуратно расстилает на пассажирском кресле. Забирается внутрь осторожно, стараясь ни к чему не прикасаться.

— Пристегнись.

Тянется к ремню. Руки дрожат. Щелчок замка.

Выруливаю на трассу. Девчонка откидывается на спинку, выдыхает так глубоко, будто под водой час просидела.

Кошусь на нее краем глаза.

Влип я конкретно.

На футболке — Микки Маус с идиотской улыбкой до ушей. Джинсы порваны на коленях — и явно не модная дырка, а свежая, с торчащими нитками. Кроссовки когда-то были белыми, сейчас неопределенно-серые.

Сколько ей? На вид — шестнадцать максимум. Детское круглое лицо, ни грамма косметики. Фигура тощая, угловатая.

Если гайцы остановят и увидят несовершеннолетнюю в моей тачке... Ночь, девочка вся в грязи, заплаканная. "Просто подвез, товарищ майор. По доброте душевной". Ага, расскажи это следователю.

Журналюги через день набегут: "Миллиардер совращал школьников". "Педофил на дорогом джипе". Заголовки сами в голове складываются.

Но что я должен был сделать? Бросить ее там? Ночь, холодно. Вокруг ни души на десятки километров. Да еще нога больная.

Черт, когда я стал таким мягкотелым? Раньше проехал бы мимо и даже не обернулся. А сейчас вот развернулся через две сплошные, подобрал непонятно кого.

Старею, наверное. Или просто устал настолько, что мозги отказали.

Глава 5.

В боковом стекле мое отражение. Но я не на себя смотрю. Я подглядываю за ним через это мутное зеркало.

Боже, какой же он... массивный, что ли. Как будто весь салон машины сжался вокруг него. Плечи такие широкие, что почти касаются моего кресла. А руки...

Черт, я таращусь на его руки уже минут десять. На то, как пальцы обхватывают руль — не вцепляются судорожно, как я бы делала, а просто держат. Уверенно. Вены проступают под загорелой кожей, и когда он чуть поворачивает руль, они перекачиваются под кожей как... как...

Господи, на что это похоже? Мозг услужливо подсовывает картинки из анатомического атласа, который я листала. Только там были мертвые иллюстрации, а тут все живое, теплое, и почему-то от этого мне становится горячо.

— Ну? — его голос обрушивается на меня как ведро ледяной воды.

Дергаюсь так резко, что ремень врезается в шею.

— А? Что? Что "ну"?

— Куда везти. Третий раз спрашиваю.

Третий? Серьезно? Я что, в своих фантазиях про его руки совсем отключилась от реальности?

— Екатеринбург! — выпаливаю первое, что приходит в голову.

Он медленно поворачивает голову. Левая бровь ползет вверх. Только левая, правая остается на месте. Я дома пробовала перед зеркалом, хоть убейся — обе синхронно дергаются.

— Екатеринбург, — тянет он.

— Ага! У меня там... — начинаю импровизировать на ходу. — Подруга! Маша! Лучшая подруга! Мы в лагере познакомились, в "Орленке"! Нет, не в "Орленке", там я не была... В обычном лагере! Под Тверью! Или Тулой... Короче, познакомились! И она теперь в Екатеринбурге живет! Работает... работает...

Кем может работать выдуманная Маша? Мозг выдает первое, что приходит в голову:

— Бухгалтером! В крупной компании! И квартиру снимает, однушку, но уютную! С балконом! И кухней! И... и обоями!

Обоями? Серьезно? Зачем я про обои сказала?

— С цветочками! — добавляю, окончательно закапывая себя. — Розовые такие. Или голубые. Не помню точно.

— Адрес? — коротко бросает он.

О черт. Черт-черт-черт. Адрес. Нормальные люди знают адреса своих друзей.

— Улица... — тяну я, пытаюсь вспомнить хоть одну екатеринбургскую улицу.

География, пятый класс. Или шестой? Мы проходили города России. Была карта. Екатеринбург точно был. И улицы

там... какие улицы в Екатеринбурге?

— Ленина! — выпаливаю. — Нет, Мира! Улица Мира!

— Номер дома?

— Семнадцать! — первая цифра, которая приходит в голову. — Или семьдесят... Семьдесят один! Точно!

— Квартира?

Блин, ну сколько можно допрашивать?

— Тридцать пять. Маша встретит! На вокзале! Мы договорились!

Он молчит. Долго так молчит, что у меня ладони потеют. Вытираю их о джинсы — ткань шершавая, неприятно царапает влажную кожу.

Подтягиваю колени к груди, обхватываю руками. Кроссовки касаются кожаного сиденья.

— Ноги.

Одно слово, а я уже выпрямляюсь как по команде. Ставлю ступни на коврик. Сажу как примерная ученица — спина прямая, руки на коленях.

— Извини, — бормочу.

— Имя?

— Что? — не сразу соображаю.

— Как тебя зовут?

Ой. Имя. Нужно имя. Любое, только не Амина. Амина Серебрякова сейчас наверняка уже в розыске. "Пропала дочь известного бизнесмена". Папа небось всех ментов на уши поставил.

— Мила, — выпаливаю первое, что приходит в голову.

Почему Мила? А, точно. Собачка тети Нади. Йоркширский терьер по кличке Милка. Вечно дрожал и таял. И писался от страха, когда гремел гром. Отличное альтер эго, Амина. Молодец.

— Полностью?

— Милена, — додумываю на ходу. — Милена... Петрова.

Слишком банально? Но он, кажется, не замечает. Или делает вид.

— Милена, — перекачивает мое выдуманное имя на языке. — Я тоже в Екатеринбург. Подвезу.

Что?

В груди что-то обрывается и падает вниз. Он тоже едет в Екатеринбург? Это совпадение? Или он врет, чтобы... чтобы что?

А вдруг он папин человек? Специально меня выследил, подобрал, а теперь везет обратно окольными путями?

Нет, бред. Папины люди не стали бы со мной в поддавки играть. Просто схватили бы и потащили домой. Да и откуда им знать, что я именно на этой трассе буду?

— Спасибо, — выдавливаю.

Отворачиваюсь к окну. За стеклом — сплошная темнота, изредка мелькают одинокие фонари. В отражении вижу его профиль. Резкий, будто топором вырубленный. Нос с горбинкой. Подбородок с ямочкой. И губы...

Блин, что я делаю? Пялюсь на незнакомого мужика как...

как...

Как девственница на первого нормального мужика в своей жизни.

Вот. Честно и по факту.

— Что с ногой? — его голос выдергивает меня из самокопаний.

— А? Что? Какой ногой?

— Ты хромаешь. Левая лодыжка.

Наблюдательный, зараза.

— Упала, — начинаю врать. — На даче. У родителей. Вчера вечером пошла... за водой! На кухню! А там лестница, знаешь, такая крутая! И темно было, я не хотела никого будить, не включала свет. Шла-шла, а потом нога соскользнула, я покатилась...

— Сильно болит?

— Терпимо. То есть больно, но не смертельно.

И это правда. Адреналин работает как обезболивающее.

Снова тишина. Только шум мотора да шуршание шин по асфальту. Надо что-то сказать. Что угодно. Молчание меня убивает.

— Часто в Екатеринбург ездешь?

— По необходимости.

— По работе?

— Да.

Разговор клеится никак.

— А чем занимаешься? — поворачиваюсь к нему на-

сколько позволяет ремень.

— Бизнес.

— Это не профессия, — фыркаю. — Это как сказать "работаю работу". Конкретнее можно?

— Строительство. Девелопмент. Инвестиции.

О, солидно звучит. Небоскребы строит, наверное. Или торговые центры.

— У моего... — прикусываю язык. Чуть не ляпнула "у моего папы". — У знакомого одного тоже строительный бизнес был. Торговые центры возводил. А потом кризис, кредиты под бешеные проценты, короче — прогорел. Сейчас долги отдает. Точнее, пытается отдать...

Замолкаю. Блин, я же почти папину историю рассказываю! Еще чуть-чуть, и выложу, что меня замуж продают за долги!

— Разговорчивая, — замечает он.

— А что в этом плохого? — тут же защищаюсь. — Молчать — это скучно. Сидишь и гадаешь, о чем другой человек думает. Злитесь он или нет. Жалеет, что подобрал, или рад компании. Может, вообще планирует в лесу высадить и уехать...

— Не планирую.

— Откуда мне знать?

Уголок его рта чуть приподнимается. Или мне кажется? В полумраке салона трудно разобрать.

— Сколько тебе лет, Милена?

— Двадцать два! — с гордостью заявляю. — Я взрослая! Самостоятельная! Независимая!

Ну, если не считать того, что я сбежала из дома как подросток в пубертате. И денег у меня — кот наплакал. И документов нет. И вообще я еду неизвестно куда с незнакомым мужиком.

Супер самостоятельная, да.

— Документы покажешь?

Все. Приплыли.

В горле мгновенно пересыхает. Сердце начинает колотиться где-то в районе миндалин.

— З-зачем? — голос предательски скрипит.

— Хочу убедиться, что ты совершеннолетняя. А то мало ли — подобрал беглую школьницу, потом проблем не оберешься.

— Я не школьница! — возмущаюсь. — Мне двадцать два! Я уже институт закончила!

— Выглядишь на шестнадцать.

Шестнадцать?!

— Паспорт в рюкзаке, — вру, чувствуя, как уши начинают гореть. — На самом дне, под всеми вещами. Сейчас неудобно доставать, машина едет. А в темноте я точно что-нибудь уроню или рассыплю...

Он молчит. Долго. Невыносимо долго. Я ерзаю на сиденье, пакет подо мной противно шуршит.

— Знаешь, что я думаю? — наконец произносит он.

Внутри все сжимается в ледяной комок размером с кулак.
— Ч-что?

— Никакой Маши в Екатеринбурге нет. Ты сбежала из дома. Ночью. Через окно — отсюда ссадины на коленях и грязная одежда. Без денег — иначе бы такси вызвала. Без документов — потому и врешь про рюкзак. Дошла до трассы и решила — будь что будет, поймаю попутку. А теперь сидишь и понимаешь, что влипла по полной.

У меня челюсть отваливается. Нет, реально чувствую, как она падает вниз, и рот открывается сам собой.

Он все вычислил. По каким-то царапинам и грязной футболке. Как Шерлок Холмс.

И что теперь? Врать дальше? Признаться? Выпрыгнуть из машины на ходу?

Последнее отпадает — мы едем под сотню, размажет по асфальту.

Глава 6.

— Родители довели?

Киваю. Больше делать нечего — кивать да молчать.

В горле першит от невысказанных слов. Они там копят, наслаиваются друг на друга пластами. Про Демида Аркадьевича. Про свадьбу через месяц. Про папины семьсот миллионов долга. Про то, как мама отвернулась к окну и теребила свои вечные жемчуга, пока папа продавал меня оптом.

Но зачем? Зачем грузить незнакомого мужика своими проблемами? Пусть думает, что я обычная избалованная дуручка. Сбежала от родителей назло.

— Решила показать характер. Типа вот вам, получите.

Снова киваю.

— Охренительный план. Особенно финал — одна, ночью, на федералке.

Резко поворачиваю голову, уже готова выплюнуть что-нибудь едкое. Но он даже не смотрит на меня. Профиль каменный, взгляд прикован к дороге. Никакого сарказма в голосе — просто факт. Как "на улице темно" или "вода мокрая".

Откашливаюсь.

— Времени думать не было. Папа вчера вечером... — замолкаю. Чуть не ляпнула про свадьбу. — Короче, неважно. Схватила рюкзак и свалила. Всё.

Тишина обрушивается на салон. В животе всё сжимается

в тугой узел размером с кулак. Блин, ну скажи что-нибудь! Хоть обругай за тупость, хоть посмейся. Это молчание хуже любых слов.

Может, остановится прямо сейчас? Откроет дверь и скажет — вали отсюда, психованная малолетка. Или развернется, отвезет обратно папе. "Забирайте свою дочь".

— До Екатеринбурга довезу. Дальше сама разбирайся.

Выдыхаю так резко, что в легких что-то щелкает. Господи, спасибо! Довезет! Не бросит!

— Спасибо! — слова вырываются потоком. — Seriously, я понимаю, что испортила тебе планы, что...

— Только учти.

Обрываюсь на полуслове.

— Если окажется, что ты несовершеннолетняя, и меня загребнут за соращение — я тебя в фарш превращу. Ясно?

В груди что-то обрывается.

— Мне двадцать два!

Демонстративно отворачиваюсь к окну. Пусть знает — обиделась. И вообще, какого черта он решил, что я малолетка? Из-за роста? Из-за плоской груди? Или потому что веду себя как...

Как ребенок. Блин.

Через минуту попа начинает неметь. Этот пакет подомной шуршит при каждом движении. Ерзаю, пытаюсь устроиться поудобнее. Может, извиниться? Сказать что-нибудь? Но что именно? "Прости, что выгляжу как школьница"?

Молчание давит на барабанные перепонки. Внутри всё чешется — слова рвутся наружу, скребутся в горле, щекочут язык.

— В бардачке вода есть. И салфетки. Лицо протри, ты как шахтер после смены.

Тянусь к бардачку. Защелка тугая, дергаю сильнее. Крышка отлетает, салфетки веером разлетаются по салону. Ловлю их в воздухе — одну, вторую, третья шлепается мне на колени. А бутылка с водой, зараза, катится под ноги.

— Блин, сейчас!

Ныряю вниз. Ремень безопасности врезается в шею, душит. Расстегиваю его, лезу глубже. Где эта чертова бутылка? Шарю рукой под сиденьем. Пыль, какая-то бумажка, монетка... А, вот она!

Выныриваю с добычей, довольная как слон. Крышка никак не поддается — пальцы дрожат, скользят. Наконец!

Первый глоток — ледяной рай. Вода обжигает пересохшее горло, растекается по пищеводу холодной змеей. Пью жадно, захлебываясь. Часть выливается на подбородок, капает на футболку.

— Спасибо, — вытираю рот ладонью. — Я думала, всё, конец. Обезвоживание, смерть в муках. Хотя вообще-то человек может три дня без воды. Это я в школе проходила. Или в интернете читала? Не помню. А верблюды вообще неделями могут! У них в горбах запасы... Стоп, там же жир? Или всё-таки вода? Черт, вечно всё путаю...

Хватаю салфетку, тру лицо. В зеркальце на козырьке вижу себя — щека в грязных разводах, под глазом чернота.

— Господи, я как бомжиха! — трут щеку яростнее. — Ты небось думал — какую дуру подобрал. Спасибо, конечно, что подобрал, а то бы я там до утра торчала, потом...

ВИЗГ!

Меня швыряет вперед. Ладони упираются в приборную панель.

— Что?! Что случилось?! Собака?! Лось?! Мы кого-то переехали?!

Он медленно, очень медленно поворачивает голову. Смотрит на меня. Долго. Пристально. Так, что хочется съежиться и спрятаться под сиденье.

— Мила.

Одно слово. Но интонация... Господи, от этой интонации хочется извиниться за всё. За то, что родилась. За то, что дышу. За то, что существую.

— А? Что? Да?

— Два варианта. Либо затыкаешься на три часа. Либо выметаешься прямо сейчас.

Три часа молчать? ТРИ ЧАСА?! Это же... это же физически невозможно!

— Слушай, я понимаю, болтаю много. Но это нервы! Защитная реакция! Когда человек в стрессе, вербализация помогает снизить уровень кортизола, это научный факт! Я статью читала...

Щелк.

Он нажимает кнопку. Все замки в машине разблокируются с противным лязгом.

Блин-блин-блин!

— Всё! Молчу! — машу руками как ненормальная. — Клянусь мамой! Папой! Бабушкой! Кем хочешь клянусь!

Демонстративно зажимаю рот ладонью. Потом изображаю, как застегиваю на губах молнию. Для убедительности еще и замок вешаю. И ключ выбрасываю. Пантомима идиотская, но другого способа показать серьезность намерений у меня нет.

Левая бровь у него медленно ползет вверх.

— Три часа. Ни единого звука. Пискнешь — пойдешь пешком. Усекла?

Киваю. Так яростно, что волосы хлещут по лицу. Кивай-кивай-кивай. Я теперь профессиональный кивальщик.

Машина трогается. Откидываюсь на спинку, смотрю на часы. 2:47 ночи. Значит, молчать до 5:47. Три часа. Сто восемьдесят минут. Десять тысяч восемьсот секунд.

Начинаю считать. Один крокодильчик, два крокодильчика... Почему крокодильчики? Глупо же. Один бегемотик, два бегемотика... Еще глупее.

Боже, прошло всего тридцать секунд, а у меня уже челюсть сводит от невысказанных слов. Они там копят, бурлят, рвутся наружу.

Скашиваю глаза на Диму. Он сидит расслабленно, одна

рука на руле, вторая на подлокотнике. Наверное, обожает тишину. Из тех, кто медитирует по утрам и находит дзен в молчании.

А я с ума схожу без звуков. Дома вечно телевизор работал фоном. Или музыка. Или я сама с собой разговаривала — это Мария Петровна называла "барышня опять беседы с невидимками ведет".

— Прекрати таращиться.

Подпрыгиваю. Он даже не смотрит на меня! Глаза на дороге, руки на руле. Откуда знает?!

Отворачиваюсь к окну. Уши горят. Ну пялилась немного, и что такого? Не голого же разглядывала.

Пятая точка затекает. Этот дурацкий пакет подо мной хрустит. Пытаюсь устроиться поудобнее. Тихонько, незаметно...

— Не ерзай.

Да что ж такое!

Замираю. Сажу как статуя. Как манекен. Как труп.

2:51.

Четыре минуты прошло. ЧЕТЫРЕ! Это какое-то искривление пространственно-временного континуума!

Закрываю глаза. Может, поспать? Считаю овечек. Одна овечка прыгает через забор. Вторая. Третья застряла — толстая слишком. Четвертая её подталкивает...

УРРРРРРРРРРРР!

Глаза распахиваются. Хватаюсь за живот, пытаюсь заглу-

шить это безобразие.

УРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРР!

Еще громче! Сворачиваюсь клубком. Может, если прижать колени к животу, он заткнется?

УРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРРР!

Нет, не затыкается. Наоборот, теперь еще и булькает!

— На заправке остановимся. Накормлю.

Что?!

НАКОРМИТ!

Он сказал НАКОРМИТ!

Внутри всё взрывается фейерверком счастья. Хочется закричать, запеть, заплясать! Еда! Будет еда! Святая благословенная еда!

Рот открывается сказать спасибо. Вспоминаю про обет молчания. Захлопываю обратно.

Киваю. Так радостно, что, кажется, голова сейчас отвалится.

СПАСИБО-СПАСИБО-СПАСИБО!

Даже если он не слышит, Вселенная услышит. Бог услышит. Желудок точно услышал — заурчал одобрительно.

Господи, пусть эта заправка будет через пять минут. Нет, через три. Нет, прямо за поворотом!

Глава 7.

Демид

Притормаживаю у колонки номер три. Мотор еще урчит, а пассажирская дверь уже распахивается.

— Господи, наконец-то! Я сейчас лопну!

Мила буквально вываливается наружу. Левая нога цепляется за порог, подворачивается на выбоине в асфальте. Лицо мгновенно меняется. Вижу, как она закусывает нижнюю губу, пытаюсь сдержать стон. Хватается за бок джипа, костяшки белеют от напряжения.

— Черт-черт-черт... — шипит сквозь зубы. — Черт подери эту ногу!

И все равно упрямо ковыляет к зданию. Походка получается нелепая. При каждом подскоке футболка задирается, обнажая полоску кожи над поясом джинсов. Белая, почти прозрачная. Две симметричные ямочки на пояснице, как будто кто-то аккуратно вдавил туда большие пальцы.

Выхожу из машины. Ночной воздух обрушивается на разгоряченное лицо ледяной пощечиной. В легких что-то шелкает от резкого перепада температур. Четыре часа в духоте салона, четыре часа дыхания одним воздухом с ней.

Растягиваю спину. Позвонки хрустят. Поясница ноет тупой, въедливой болью.

Старею, блядь. В тридцать шесть уже разваливаюсь.

У входа в магазин торчит охранник. Смотрит на Милу. Нет, не смотрит — раздевает взглядом. Глазки масляные, язык по губам прошелся.

Сука.

Ловлю его взгляд. Держу. В моих глазах обещание очень неприятных последствий, если он продолжит. Секунда, две, три... Отводит глаза, внезапно находит что-то невероятно интересное в витрине с антифризом.

Умный мужик.

Открываю лючок бензобака, вставляю пистолет. Прислоняюсь к теплему боку машины. Металл еще хранит дневное тепло, приятно греет через рубашку.

Три часа молчания. Я требовал от нее всего три часа тишины. Элементарная просьба — закрыть рот и не открывать. Сколько продержалась? Минут сорок, если щедро считать.

Сначала были вздохи. Тяжелые, театральные, каждые тридцать секунд. Потом ерзанье на сиденье — влево, вправо, вперед, назад. Пакет под ее задницей шуршал с каждым движением. А потом...

Падение бутылки с водой. Полезла вниз. Елозила там минут пять, изображая поиски. Хотя бутылка лежала в десяти сантиметрах от ее правой руки.

Я не железный. Когда женская задница маячит в полуметре от тебя, а ты за рулем на скорости сто тридцать — это, блядь, опасная дорожная ситуация.

Табло замирает. Вешаю пистолет на место, закручиваю

крышку бака. Перегоняю машину на парковку — подальше от колонок, ближе к магазину.

Стеклянные двери разъезжаются с тихим пневматическим вздохом. Внутри яркий свет бьет по глазам после ночной темноты. Моргаю, привыкая.

Мила стоит у стеллажа с чипсами. В руках вертит пачку, переворачивает туда-сюда. Губы шевелятся.

— ...глутамат натрия, усилитель вкуса, ароматизатор идентичный натуральному... Что значит "идентичный"? Это как близнец, что ли? Или клон? А если клон, то клон чего? Настоящей паприки? А где тогда настоящая? — бормочет она.

Подкрадываюсь сзади. Тихо, на носках. Она так увлечена своим монологом про чипсовые заговоры, что ничего не замечает.

— Бери уже.

Подпрыгивает как ошпаренная. Пачка вылетает из рук, шлепается на пол. Разворачивается ко мне с таким выражением лица, будто я с топором за ней гнался.

— Ты чего крадешься?! — прижимает руку к груди. — Сердце сейчас выскочит!

Наклоняется за пачкой. Морщится. Хватается за край полки, чтобы удержать равновесие. Выпрямляется, прижимая добычу к груди.

— Я не крался. Ты просто глухая.

— Я не глухая. Я сосредоточенная. Состав читала, — тря-

сет пачкой перед моим носом. — Тут такая химия... Е-621 — это же глутамат натрия. Вредно для мозга! Е-551 — диоксид кремния. По сути песок. Е-471... это вообще что-то страшное. Я читала статью...

— И?

— Как это "и"? — возмущается искренне. — Это же яд! Сплошная отравка! Канцерогены!

— Которые ты сейчас купишь и съешь. Бери что хочешь и не мучайся.

Глаза распахиваются так широко, что, кажется, вот-вот выпадут.

— Что хочешь? То есть... ты купишь? Мне? Серьезно?

— Нет, охраннику у входа. У него сегодня день рождения.

— Правда?! — она совершенно не уловила сарказм. Поворачивается к выходу, машет охраннику. — С днем рождения, дяденька!

Охранник в ахуе. Я тоже.

— Мила, это был сарказм.

— А... — до нее доходит. — А-а-а! Сарказм! Понятно! То есть ты купишь мне! Но я же должна буду! У меня денег почти нет, только две мятые тысячные в кармане! Я потом верну, честно! Все до копейки запишу...

— Угу, — проще согласиться, чем объяснять, что мне плевать на ее долги.

Она стоит, хлопает ресницами. Мозг явно перегружен от попытки обработать информацию. Потом срывается с места

как ошпаренная.

— О боже, хот-доги! — несется к витрине с готовой едой.
— Смотри, настоящие! С сосиской! В булочке! С горчицей и кетчупом!

Дыхание мгновенно запотеваает стекло. Она рисует пальцем смайлик. Кривой, глаза разного размера, улыбка съехала куда-то к уху.

За прилавком женщина лет пятидесяти. Начес как у Пугачевой в восьмидесятых, тени голубые до самых бровей, помада ядовито-розовая. На бейджике — "Валентина". Смотрит на Амину с умилением.

— Что будем брать, солнышко?

Солнышко. Я фыркаю.

— Можно два хот-дога? — Мила грызет ноготь на большом пальце. — Нет, стоп, это много... Один! Хотя если можно два... А они вообще свежие? Когда делали? А сосиски из чего? Не из туалетной бумаги, как в анекдоте? А булочки не черствые?

— Все свежее, милая! — Валентина явно в восторге от такого дотошного клиента. — Утром завезли! Сосиски "Молочные", самые качественные!

— А сэндвичи есть? О, вижу! — Мила перемещается вдоль витрины. — С курицей! И с ветчиной! А это что за зеленое? Плесень?!

— Это салат айсберг, деточка! — смеется продавщица. — Витамины, минералы, клетчатка!

— А, ну если витамины... А майонез не просроченный? А хлеб какой? Белый? Черный? С отрубями?

Блядь. Она сейчас про каждую молекулу спросит? ДНК-тест продуктам проводить будет?

— Два сэндвича, — обрываю вопрос. — Хот-дог. И что она еще захочет.

Мила разворачивается ко мне. На лице такой восторг, будто я ей "Майбах" подарил.

— Правда?! Два можно?! И хот-дог?! Ты же сказал "бери что хочешь", но я думала это такое выражение... фигура речи... типа "будь как дома" — никто же не имеет в виду, что можно в трусах ходить и ковыряться в носу! Ты серьезно?!

— Я обычно говорю то, что думаю.

— Ты лучший! — и вдруг хватает меня за руку, сжимает. — Лучший-лучший-лучший!

Ее ладонь горячая, влажная от волнения. Мелкая, в моей теряется полностью. Отдергиваю руку резко. Она сразу отскакивает.

— Я... я дальше пойду. Еще посмотрю.

И срывается к стеллажу с шоколадками. Останавливается, замирает. Глаза бегают по полкам.

— Сникерс, — хватается батончик. — Обожаю сникерс. Хотя орехи в зубах застревают... Зато сытный. А вот баунти, — берет второй. — Кокос не очень люблю, но шоколад компенсирует! О, кит-кат! — третий. — Слышишь этот хруст? Это же кайф! Чистый, неразбавленный кайф!

В руках уже целая гора. Прижимает добычу к груди, тянется за очередной шоколадкой. Верхняя выскальзывает, падает. Наклоняется — вся конструкция рассыпается веером по полу.

— Блин! Черт! — падает на колени, начинает собирать.
— Простите-простите-простите!

На четвереньках ползает между стеллажами, собирает шоколадки. При каждом движении морщится. Но упорно продолжает охоту за сникерсами и кит-катами.

Валентина смеется:

— Ничего страшного, милая. Бывает. Возьми-ка лучше корзинку, вон там у входа стоят.

— Корзинка! — вскакивает. — Точно! Как я не догадалась!

Сгребает шоколадки, хромает за корзиной. По пути хватает еще орешки, печенье, жвачку. Корзина наполняется с космической скоростью.

— Напитки! Где напитки?

К холодильникам движется странной походкой.

— Кола... фу, одна химия. Спрайт... то же самое. О! Молочные коктейли! Клубничный! Ванильный! Шоколадного нет? — заглядывает глубже в холодильник. — Как нет шоколадного?

Поворачивается ко мне с бутылками:

— Какой брать? Или оба? Можно оба?

— Бери оба, — говорю устало.

Нужен кофе. Срочно. Иначе я ее придушу.

Нажимаю кнопку двойного эспresso. Машина оживает с привычным урчанием. Помол, шипение пара, журчание.

Мила тем временем грабит магазин. Два коктейля, сок ("Яблочный! Натуральный! Ну, почти..."), вода ("А вдруг в пустыне застрянем?"), еще какая-то ерунда.

Кофе готов. Обжигающий. Опрокидываю залпом, горло привычное, даже не морщусь.

У кассы Валентина выкладывает Милины сокровища.

— Девушка голодная, — констатирует с материнской улыбкой.

— Умираю просто, — Мила кивает. — Последний раз ела... даже не помню когда.

— Ай-яй-яй! Нельзя так! Молодому организму нужно регулярное питание!

— Моя бабушка то же самое говорила! — восклицает. — Вы прямо как она! Даже интонация похожая! И руками так же всплескиваете! Вы случайно не из Рязани?

Блядь, сейчас начнут родословную выяснять.

— Обезболивающее есть? — обрываю.

— А что болит? — Валентина мгновенно становится серьезной.

— Нога немного, — Мила машет рукой как бы между делом. — Ерунда! Само пройдет!

— Ерунда, из-за которой ты как хромая утка ходишь.

Она надувает губы, но спорить не решается.

Продавщица ныряет под прилавок, шуршит там коробками:

— Вот! Кетанов — лучшее от острой боли! И мазь троксевазин от отеков! У меня внучка гимнастикой занимается, постоянно что-то тянет, без этого никак!

Плачу. Мила пялится на чек, шевелит губами, считает:

— Три тысячи двести семьдесят... Я запомню!

Хватаю пакеты. Тяжелые — килограмма четыре точно. Мила тянется забрать их.

— Я сама понесу! — пытается выхватить. — Я не инвалид! У меня просто нога немного... не работает. Но руки же работают!

— Иди к машине, открой дверь.

Надувает губы еще сильнее, но слушается. У выхода оборачивается, машет Валентине:

— Спасибо вам огромное! Вы супер! И прическа у вас обалденная! Как у настоящей звезды восьмидесятых!

Валентина расцветает, поправляет свой начес:

— Ой, да что ты, милая! Старая мода уже!

— Неправда! Вам очень идет! Вы как... как Алла Пугачева! Только красивее! И моложе! И вообще лучше! У вас муж наверное счастливчик! Каждый день такую красоту видит!

Комплименты начесу из восьмидесятых?

Но работает. Валентина млеет, щеки розовеют под слоем румян. Даже охранник, который все это время пялился на задницу Милы, теперь улыбается и придерживает дверь.

— Спасибо, добрый человек! — улыбается. — Удачной смены! Чтоб все спокойно было!

Детина окончательно тает. Даже спину выпрямил, живот втянул.

— И вам всего хорошего, девушка. Выздоровливайте.

В машине Амина сразу разворачивается к заднему сиденью, тянется через спинку.

— Чипсы! Дай чипсы!

Подает пачку. Она выхватывает ее из моих рук с такой скоростью, что я даже моргнуть не успеваю. Рвет упаковку. Слишком резко. Со всей дури. Пачка взрывается.

Чипсы фонтаном взлетают вверх. Красная паприковая пыль зависает в воздухе на секунду, а потом начинает оседать. Везде. На приборной панели. На сиденьях. На моих брюках. В волосах. Даже на лобовом стекле.

— О-о-о... — она замирает с разорванной пачкой в руках, глаза круглые от ужаса. — То есть... Черт! Блин! Прости-прости-прости!

Бросается ко мне, начинает судорожно собирать чипсы с моих коленей. Ладони дрожат, пальцы путаются. Вместо того чтобы собрать, размазывает красную пыль по ткани еще сильнее.

А я... Блядь. Я залипаю на том, как ее руки шарят по моим бедрам. Легкие, порхающие прикосновения. Она ничего такого не имеет в виду, просто пытается исправить косяк. Но мое тело реагирует по-своему.

Какого хрена, Волков?

— Салфетки! — она паникует, шарит по салону. — Где салфетки?! Я все исправлю! Отчищу! В химчистку отвезу! Заплачу за химчистку! Продам почку, но заплачу!

— Оставь.

Замирает с пригоршней раскрошенных чипсов:

— Ты... не убьешь меня? — голос дрожит. — Я же твою машину... Она же дорогая! Кожаные сиденья! А я тут как свинья...

— У тебя руки растут не из того места. Это не смертельно.

— Не из того места?! — возмущается, запихивая уцелевшие чипсы в рот. — У меня нормальные руки! Нормальные! Это пачка дурацкая! Заклеена как будто на века!

Говорит с набитым ртом, крошки летят во все стороны.

— Конечно. Мировой заговор производителей чипсов против тебя лично.

— Ижжеваефшь?! — пытается возмутиться, но с набитым ртом получается что-то невнятное.

— Жуи сначала. Потом возмущайся.

Демонстративно жует, хрустит. Каждый хруст отдается в салоне, как выстрел. Глотает с трудом — слишком большой кусок. Запивает коктейлем, булькает.

— Они реально перебарщивают с упаковкой! — продолжает свою тираду. — Невозможно нормально открыть! Надо или зубами рвать, или ножницы искать!

— Миллиарды людей как-то справляются.

— Миллиарды людей со многим справляются! — философски заявляет она. — Это не значит, что так правильно!

Обиженно отворачивается к окну. Тишина. Считаю секунды. Десять. Пятнадцать. Двадцать...

— Ты ничего не ешь, — вот и все. Двадцать три секунды продержалась. — И кофе... Ты кофе пил?

— Пил.

— Когда?! — крутит головой.

— Пока ты грабила магазин.

— Я не грабила! Я выбирала! Это разные вещи! И как ты выпил горячий кофе так быстро? Он же кипяток! У меня мама однажды глотнула горячий кофе, потом неделю ничего не чувствовала! А ты просто взял и выпил? Залпом?

Господи, дай мне терпения. Или глухоту. Глухота тоже сойдет.

— У меня тренированная глотка.

— Тренированная на что? — с подозрением спрашивает.
— На кипяток? Это вообще возможно?

— Как видишь.

— Знаешь, какой кофе я люблю?

И понеслось. Следующие десять минут слушаю лекцию о видах кофе. Латте с корицей ("Но не слишком много, а то горчит!"). Капучино с густой пенкой ("Обязательно густой! Чтоб ложка стояла!"). Раф с лавандой ("Это сейчас модно!").

Дома кофемашина стоит, рассказывает, огромная такая, хромированная, папа из Италии привез...

Стоп.

— Часто отец в Италию ездит? — перебиваю ее монолог про правильную температуру молока для капучино.

Мила давится коктейлем. Кашляет, розовая жижа брызгает на приборную панель. Хватает салфетку, трет лицо.

— Что? Италия? Папа? — глаза бегают. — О чем ты вообще?

Вытирает панель, комкает салфетку. Нервничает. Руки предательски дрожат.

— Ты сказала — папа кофемашину из Италии привез. Значит, ездит туда. Часто?

— Да так... — мнется. — Пару раз было... По работе... Дела всякие...

— Что за работа?

— Бизнес! — выпаливает слишком быстро. — Обычный скучный бизнес! Я не вникаю! Неинтересно! Можно радио включить? Или музыку? Давай музыку!

Смена темы настолько топорная, что даже смешно.

— Включай, — разрешаю великодушно.

Пусть думает, что отвлекла.

Глава 8.

Она вертится на пассажирском сиденье, будто у нее шило в одном месте. Ремень безопасности оставляет красную полосу на шее. Разворачивается ко мне всем корпусом, насколько позволяет эта удавка.

— Слушай, а ты кто вообще? — выпаливает скороговоркой. — В смысле, как зовут? Мы тут катаемся уже... — щурится на приборную панель, — черт знает сколько, а я даже не знаю, как к тебе обращаться.

Назвать настоящее имя? Демид Волков во всех деловых кругах Москвы известен. Хотя вряд ли эта пташка в курсе, кто вершит судьбы строительного бизнеса. Но рисковать не хочется. Тем более она сама наврала с три короба. И про Милену, и про подругу в Екатеринбурге.

— Дима.

— Ди-и-има, — тянет она. — Димон. Димка. Димасик... Фу, нет, Димасик — это мерзко. У меня в школе Димасиком одного придурка звали, он в столовой молоко через нос пускал для прикола.

Блядь, неужели у нее рот вообще не закрывается?

— Хотя были и нормальные Димы! Целых три штуки! — продолжает тарыхтеть. — Первый — рыжий такой, прыщавый весь. Но добрый! Однажды нашу математичку довел — она в него учебником кинула! По алгебре! Прямо в лоб по-

пала! У него шишка потом неделю была...

Пальцы сами сжимают руль крепче.

— А второй в очках ходил, — она уже совсем разошлась.
— Такие бутылочные доньшки! Глаза как у рыбы выпученные были. Мы его Совой звали, но он не обижался. Говорил — это комплимент, совы же мудрые...

Километры тянутся мимо. Серая лента асфальта, редкие фонари, силуэты сосен по обочинам. А она все говорит и говорит. Про третьего Диму, который на физре штаны порвал. Про учительницу физики с париком, который слетел во время объяснения законов Ньютона. Про какую-то Ленку, которая с Димой номер два целовалась за школой.

Голос у нее... не противный. Даже приятный, если абстрагироваться от потока слов. Низковатый для такой мелкой, с легкой хрипотцой.

Киваю на автомате, когда она делает паузы редкие, секунды на три максимум. В основном для того, чтобы глотнуть воздуха. Ее трескотня сливается с монотонным гулом движка в странное подобие белого шума. Почти медитативно, если не вслушиваться в смысл.

— ...а потом папа вообще поехал крышей! — тон резко меняется, появляются злые нотки. — Никуда одной! Вообще никуда, понимаешь? В его воспаленном мозгу за каждым углом маньяки-педофилы прячутся! В магазин — только с охраной! За хлебом, блин! Василич со мной ходил! Здоровенный мужик стоит, пока я батон выбираю!

Интересный поворот. Встряхиваюсь, начинаю слушать внимательнее.

— И давно у бабушки паранойя?

— Да всю жизнь! — руки взлетают вверх, едва не цепляют зеркало заднего вида. — С пеленок практически! В садик — с няней. Из садика — с няней. В школу — водитель, причем не абы кто, а бывший спецназовец! Из школы — он же! Подружек в гости — только после проверки родословной до седьмого колена!

Рисуется занятная картина. Золотая клетка для канарейки. Корм по расписанию, водичка фильтрованная, никаких полетов. Логично, что птичка сбежала при первой возможности.

— Вот и решила показать характер.

— Да какой там характер! — она вся подбирается, как кошка перед прыжком. — Они меня... они хотели...

Голос ломается. Вижу, как пальцы мнут пустую пачку от чипсов. Мнут, разглаживают, снова мнут. Фольга жалобно шуршит.

— Я не могла больше! — слова вываливаются комом. — Мне же двадцать два! Не двенадцать! А они со мной как с умственно отсталой! Туда не ходи, это не смотри, с тем не общайся! Да я в туалет без доклада сходить не могла!

В уголке глаза поблескивает влага. Вот только истерики мне не хватало на скорости под стельник.

— Дыши глубже. Через нос вдох, через рот выдох.

— Да дышу я! — шмыгает носом. — Нормально все! Просто... вспомнилось и... Черт!

Слеза скатывается по щеке, оставляя мокрую дорожку. За ней вторая. Потом плотину прорывает — она ревет в голос, всхлипывает, икает. Сопли текут ручьем.

Охуенно. Истерика в замкнутом пространстве на скорости — прямо то, что доктор прописал.

— Хорош воду лить.

— Я ст-стараюсь! — голос срывается на писк. — Само л-льется! Сейчас... сейчас соберусь...

Держу руль правой, левой шарю в бардачке. Нахожу салфетки... Швыряю ей на колени.

— Держи. И высморкайся уже, а то хлюпаешь как...

Недоговариваю. И так понятно.

Она вцепляется в салфетки. Сморкается с таким звуком, что я невольно вздрагиваю. Гудит как паровоз. Потом еще раз. И еще. И использованные салфетки летят на пол.

— Уф-ф, — выдыхает минут через пять. — Полегчало. Прости за... — обводит рукой салон, — за весь этот цирк. Накатило что-то.

— Да я заметил.

— Небось думаешь, подобрал истеричку? — поворачивается ко мне. Лицо опухшее, нос красный, глаза как у кролика-альбиноса.

Думаю, что влип по самые яйца. Беглая малолетка из богатой семьи в моей тачке. Папаша уже наверняка всех мен-

тов на уши поставил, по телеку объявления дают.

— Поспи лучше. Кресло откидывается, рычаг слева внизу.

— Спать не хочется, — тут же зевает во весь рот, не прикрываясь. — Хотя... может, чуток подремлю. Где рычаг?

Следующие пять минут — комедия ошибок. Она дергает все подряд. Сиденье едет вперед-назад, вверх-вниз. Поясничный упор выпирает, втягивается обратно. Подогрев включается на максимум.

— Да где он?!

— Слева. Внизу. Один единственный рычаг!

— Я там и ищу! У тебя тут как в кабине пилота!

Наконец нащупывает. Кресло откидывается со скрипом. Она сворачивается эмбрионом — колени к груди, ладони под щеку. Глаза закрываются. Через минуту уже сопит.

Тишина. Святая благословенная тишина.

Качу в блаженном молчании. Спидометр показывает стабильные сто двадцать. В баке еще половина.

Телефон вибрирует на подлокотнике. Экран высвечивает имя — Катя. Пять утра, какого хрена моей секретарше не спится?

Подношу к уху.

— Да.

— Демид Аркадьевич, простите за ранний звонок, — голос сонный, с хрипотцой. — Виктор Павлович на проводе. Говорит, срочно. Соединить?

Серебряков. Что ему в такую рань понадобилось?

— Соединяй.

Щелчок, шорох, и в трубке взрывается паника:

— Демид! Слава богу! У меня тут катастрофа!

Убавляю громкость, кошусь на спящую. Она чмокает губами во сне, морщит нос.

— Без истерик, Виктор. Что стряслось?

— Амина пропала! Дочь моя! Сбежала из дома ночью!

Взгляд сам собой снова скользит к пассажирскому креслу. На подбородке у нее блестит слюна. Рот приоткрыт.

— Подробности давай.

— Вчера вечером поговорили о... о свадьбе. Вроде нормально восприняла. А час назад охрана докладывает — окно нараспашку, постель пустая! Со второго этажа прыгнула, дура малолетняя! Шею свернуть могла!

— Полицию вызвал?

— Ты что, охренел? Какая полиция! Представляешь, какой скандал будет? Я своих ребят поднял. Вокзалы, аэропорты — везде ищут.

Еще раз смотрю на спящую. Во сне хмурится, дергает ногой.

— Демид, слушай... — голос Виктора становится вкрадчивым. — Может, отложим? Свадьбу то есть. На месяц-другой? Девочка в стрессе, ей время нужно прийти в себя...

Хитрожопый. Время тянет, лазейку ищет.

— Виктор. У нас контракт. Через месяц свадьба. Точка.

— Но как же...

— Найдешь дочь. Поговоришь по-человечески. Объяснишь. Понял?

— Да... да, конечно... найду...

— И скинь Кате фото. Подключу своих людей.

Отключаюсь, не дослушав его бормотания.

Занятно выходит. Амина Серебрякова, двадцать два года, сбежала из дома через окно.

Сравниваю факты. Возраст сходится. Гиперопека отца — тоже. Побег ночью через окно — в точку.

В груди разливается что-то похожее на веселье. Редкое для меня чувство. Невеста сбежала от свадьбы со мной и села в машину ко мне же. Не зная, кто я.

Телефон пиликает. СМС от Кати. Фото.

Открываю одним пальцем. Девушка на фоне моря. Легкое летнее платье, улыбка до ушей. Симпатичная мордашка.

Перевожу взгляд на оригинал. Те же черты, тот же разрез глаз, та же родинка у левой брови.

Стопроцентное попадание.

Что делать? Развернуться, отвезти папаше? Логично.

Или сказать ей правду? "Привет, я твой жених, от которого ты сбежала." Учитывая ее импульсивность, выпрыгнет из машины на ходу.

А можно подождать. Посмотреть, что будет. Узнаю невесту поближе. В естественной среде обитания, так сказать.

Амина вздыхает во сне, подтягивает колени выше.

Интересно, что скажет папаша, когда узнает, что его дочка каталась со мной по стране?

Усмехаюсь и жму на газ.

Глава 9.

Амина

Что-то тычется мне в бок. Настойчиво так, будто пытается проткнуть ребра и добраться до селезенки.

— Ммм... отстань, Мария Петровна... — мычу в подушку, которая почему-то воняет машинным маслом и мужским дезодорантом.

Стоп. Мужским?

Глаза распахиваются, и я понимаю, что это не моя спальня. Это салон джипа. А подушка — это подголовник кресла, в который я уткнулась лицом, пуская слюни.

Блин. Я пускала слюни в машине Димы.

— Выходи, спящая красавица.

Поворачиваю голову и вижу его. Стоит у открытой двери, руки в карманах, смотрит на меня.

Выползаю наружу. Левая нога тут же напоминает — эй, милая, помнишь, как ты вчера с балкона сиганула? Вот я помню. И мстить буду еще долго.

Прыгаю на правой ноге, пытаюсь встряхнуться. Волосы прилипли к щеке — точно слюнями приклеила. Фу, Амина, ты где вообще манеры растеряла?

А, точно. Дома оставила. Вместе с паспортом и здравым смыслом.

Озираюсь. Мы стоим перед зданием, которое выглядит

так, будто его строили в восьмидесятых и с тех пор ни разу не красили. Зелено-болотный цвет облупившейся краски, ржавые пожарные лестницы, и вон та бабка на втором этаже, которая вытряхивает половик прямо на головы прохожим.

Где мы вообще?

— Дима, погоди!

Он уже метрах в десяти, шагает своей походкой, размашисто, уверенно. Даже не оборачивается.

Ковыляю следом. Каждый шаг – маленькая пытка. Интересно, если я сейчас упаду и начну кататься по асфальту с воплями, он вернется? Или пойдет дальше?

— Куда мы идем? Дима! Дмитрий! Стой, у меня нога отваливается!

Останавливается так резко, что я чуть в него не врезаюсь носом в спину. Разворачивается, и утреннее солнце бьет ему прямо в лицо, высвечивая каждую деталь.

Ох, мамочки.

Ночью в машине я видела только силуэт. А сейчас... Господи, у него глаза не черные, а карие с золотыми искорками. Как виски. Дорогой виски, который папа держит в баре для особых гостей. И щетина уже не легкая тень, а вполне себе брутальная растительность. Интересно, если потрогать...

НЕТ. Амина, прекрати. Ты не можешь хотеть потрогать щетину незнакомого мужика. Это неприлично. Это... это...

А черт, все равно хочу.

— В гостиницу, — роняет он одно слово, как подачку ни-

щему.

— И? Это все объяснение? А подробности для слабоумных будут? Мы где вообще?

— Нижний Новгород. Переждем пробки.

Вот так. Два предложения. Будто слова у него по талонам, и месячный лимит уже на исходе.

— То есть мы будем спать? Днем?

Левая бровь медленно ползет вверх.

— У тебя проблемы с дневным сном?

— У меня проблемы с логикой! Люди спят ночью! Мы дневные существа! У нас циркадные ритмы! Мелатонин ночью вырабатывается, кортизол утром! Я книжку читала!

— Книжку читала.

— Ну да! "Почему мы спим" называется! Там ученый объяснял, что если сбивать режим, то можно заработать кучу болячек! Диабет, ожирение, деменцию!

— Спасибо за медицинскую консультацию. Идем.

Разворачивается и топает дальше.

— И, вообще, нормальные люди на самолетах летают! Быстро и удобно! — кричу ему в спину.

Останавливается как вкопанный. Секунда — и он разворачивается. Лицо каменное, челюсть так сжата, что желваки ходуном ходят.

— Я не летаю.

Два слова, но произносит их так, что становится ясно — тема закрыта. Навсегда.

Исчезает за стеклянной дверью какого-то здания.

Стою посреди улицы как дура. Взрослый мужик боится летать? Серьезно? С такими-то плечами и взглядом "я тебя сейчас придушу"?

Хотя... у всех свои тараканы. Вот я пауков боюсь. Даже крошечных. Мама всегда смеялась — "Аминочка, он же с ноготок! Он тебя больше боится!" Ага, щас. С восемью лапами мохнатыми и глазами как бусинки — он меня боится!

Передергиваю плечами и ковыляю следом.

Глава 10.

Администраторша за стойкой — это просто издевательство над всем женским родом. Нет, серьезно, как можно выглядеть таааак шикарно утром?

— Доброе утро! — она чирикает. — Чем могу помочь?

Дима уткнулся в телефон. Даже не смотрит на нее. На ЭТО великолепие в человеческом обличье. Я смотрю. В упор. Она же богиня.

— Номер на сутки, — бросает он, не отрываясь от экрана.

Вижу, как у красотки чуть дергается уголок глаза. Обиделась, что на нее не смотрят.

— С удовольствием подберу для вас идеальный вариант!

— она достает планшет, начинает водить пальцем по экрану.

— У нас есть уютный эконоом, комфортный стандарт, или, если хотите чего-то особенного...

— Обычный номер. Тихий.

— Тогда могу предложить люкс на седьмом этаже. Панорамный вид, джакузи...

— Годится.

Пока они возятся с бумагами, я брожу по холлу. Кожзам на диванах потертый, местами проступает поролон. На журнальном столике — стопка журналов. Хватаю верхний. "Десять способов свести его с ума в постели".

Из телевизора на стене несется: — ...возможны осадки...

Это вообще не прогноз. Это гадание на кофейной гуще. "Может дождь, а может солнце, а может метеорит упадет — кто ж его знает".

— Документы предъявите, — долетает от стойки.

Поворачиваю голову. Дима протягивает паспорт. Администраторша переписывает данные, попутно стреляя в него глазами. Потом ее взгляд находит меня.

— И ваша... спутница тоже.

Документы. Она просит документы. Которых у меня нет. Которые в папином сейфе остались.

По спине ручеек пота стекает, прямо между лопаток. Холодный такой, противный.

Сейчас Дима скажет, что у меня нет паспорта. Администраторша вызовет полицию. Проверка по базе. Звонок папе. Конец всему.

Ноги становятся ватными. Может, рвануть к выходу?

— Она со мной.

Дима кладет на стойку пятитысячную. Просто так, не пряча.

Администраторша смотрит на купюру. На Диму. На меня. Я прямо вижу, как в ее голове шестеренки крутятся.

Взрослый мужчина. Дорогой костюм. Девушка помладше. Растрепанная. Без документов. Пять тысяч за молчание.

О боже.

Боже-боже-боже.

Она думает... Она решила, что я...

Жар поднимается от груди к шее. От шеи к лицу.

Я не проститутка! Хочется заорать это на весь холл. Я нормальная девушка! Просто сбежала из дома! У меня документы есть, просто не с собой! Это не то, что вы подумали!

Но голосовые связки парализовало.

— Конечно, никаких проблем, — администраторша сгребает купюру. — Седьмой этаж, номер семьсот двенадцать. Завтрак с семи до одиннадцати, бассейн в цокольном...

Я уже не слушаю. Разворачиваюсь и почти бегу к лифтам. Вколачиваю палец в кнопку вызова. Давай же, давай!

— Сломаешь.

Дима подходит своей размашистой походкой.

— Пусть ломается, — бурчу. — Заодно и отель развалится. И эта... администраторша со своими предположениями.

Двери наконец открываются. Влетаю внутрь, жму на семерку. Потом еще раз. И еще. На всякий случай.

Смотрю в зеркало и понимаю, почему администраторша так решила. Волосы спутаны в гнездо. На щеке полоса непонятного происхождения. Футболка мятая, с Микки Маусом, который ухмыляется как идиот. Джинсы в пятнах.

Я выгляжу как бомжика. Или как девушка после очень бурной ночи. Или как бомжика после бурной ночи.

— Забей.

— Как это забей? — разворачиваюсь к нему. — Она думает, что ты меня снял! За деньги! Для... для того самого!

— Ну и что?

НУ И ЧТО?!

— Как это "ну и что"?! Это же... Это оскорбление! Я не такая! Я вообще ни разу не была такая!

— Мила, какая разница, что думает администраторша за худалой гостиницы?

— Мне есть разница!

Лифт останавливается. Выходим в коридор. Ковролин такого неопределенного цвета — то ли серый, то ли бежевый, то ли это грязь многолетняя.

— Куда теперь?

— Читать не учили? — кивает на табличку со стрелками.

Ах да. 701-720 направо. Могла бы и сама заметить. Если бы не думала о том, что меня приняли за девушку по вызову.

Топаю по коридору, считая номера. 708... 710... Вот и наш.

Дима прикладывает карту. Замок пикает, дверь открывается.

Окей, это действительно люкс. По меркам региональной гостиницы, конечно. Но все равно — ничего так.

Кровать огромная. Диван в углу. Два кресла. Письменный стол с настольной лампой. Телевизор на стене — плоский, большой. И окно во всю стену.

Подхожу к окну. Волга разлеглась внизу.

— Ванная там. Мазь для ноги на столе. Выезд в семь вечера.

Оборачиваюсь. Дима снимает пиджак. Вешает на спинку кресла, аккуратно расправляет. Расстегивает манжеты ру-

башки.

И тут до меня доходит.

— Стоп. А где ты спать будешь?

— Здесь.

— Где здесь?

Кивает на диван.

Обрабатываю информацию. Один номер. Одна комната. Одна кровать, один диван. Он на диване. Я на кровати. В одной комнате. Вместе. Всю ночь. То есть весь день. То есть...

— Мы будем спать в одной комнате?

Уголок его рта дергается. Не улыбка, но что-то похожее.

— Ждала отдельные апартаменты?

— Нет, но... Мы же почти не знакомы. А спать в одной комнате — это интимно. Это как... как...

Как что? Как муж и жена? Как любовники? Как...

Он расстегивает рубашку. Пуговица. Еще одна. Третья.

— Ты что делаешь?!

— Раздеваюсь. В костюме спать неудобно.

Стягивает рубашку.

О.

Мой.

Бог.

Я знала, что он в хорошей форме. В смысле, это очевидно было — плечи широкие, талия узкая. Но видеть это вживую...

Мышцы не как у качков из спортзала — такие надутые,

неестественные. У него все... функциональное. Рабочее. И эта татуировка на ребрах — черные линии, переплетающиеся в абстрактный узор. Хочется провести пальцем, проследить каждую линию...

НЕТ. Амина, прекрати.

— Закрой рот. Слюни потекут, — говорит он спокойно.

Захлопываю челюсть так резко, что зубы клацают.

— Я не... я просто... шокирована твоей бестактностью!

Нормальные люди в ванной переодеваются!

— Я плачу за номер. Буду переодеваться где хочу.

— Это наш номер!

— Напомни, сколько ты за него заплатила?

Ах, ты ж...

— Я в душ!

Хватаю тубик мази со стола. Несусь в ванную. Захлопываю дверь. Щелкаю замком. Проверяю — заперто. Еще раз проверяю.

Прислоняюсь спиной к двери.

Сердце колотится где-то в горле. В животе бабочки. Нет, не бабочки — птеродактили. Машут крыльями, царапают когтями.

Господи, я только что видела его голым. Ну, наполовину голым. И это было...

Горячо. Вот что это было. Очень горячо.

Включаю воду в душе. Покрутила ручку в красную зону — пусть будет погорячее. Может, выпарит из меня все эти

дурацкие мысли.

Лезу под струи прямо в одежде. Горячая вода бьет по голове, по плечам. Футболка мгновенно промокает, липнет к телу.

Стягиваю мокрую футболку — она сопротивляется, цепляется за голову. Наконец справляюсь. Джинсы еще хуже — мокрая ткань прилипла к ногам, не хочет сниматься. Прыгаю на одной ноге, чуть не падаю, хватаюсь за стену.

Кидаю всю мокрую одежду в раковину.

Стою под горячими струями. Вода смывает дорожную пыль, пот, усталость. Но не смывает воспоминание о его торсе. О том, как мышцы перекачивались, когда он снимал рубашку. О татуировке, которая уходила под пояс джинсов...

Стоп. Хватит.

Намыливаюсь гостиничным гелем для душа. Пахнет химической лавандой. Смываю. Намыливаюсь еще раз, тру кожу до красноты.

Стою, пока пальцы не превращаются в изюм. Выключаю воду.

И тут понимаю.

Вещи.

Мои вещи.

В машине.

А машина внизу. На парковке. А у меня тут только мокрые тряпки в раковине.

Черт-черт-черт!

Может, он уже спит? Прошло минут двадцать. Он же устал, всю ночь рулил. Точно вырубился. Сейчас тихонько выползу, нырну под одеяло, и все. Он даже не заметит.

А к вечеру уже все высохнет.

Глава 11

Демид

Телефон трясется на стеклянной столешнице. Антон Палыч, мать его. Третий звонок подряд, и в висках уже начинает пульсировать знакомая тупая боль.

Хватаю трубку, заваливаюсь на диван. Подлокотник врежется в поясницу.

— Да.

— Демид Аркадьевич! — Антон Палыч начинает с места в карьер. — Тут такая жопа! Металлисты вчера контракт подписали, все было в ажуре, а сегодня звонят — доплачивайте пятнадцать процентов сверху!

Из ванной доносится плеск. Потом стук — что-то упало. Тихое ругательство.

— На чем основано требование? — растираю переносицу. День только начался, а уже хочется кого-нибудь придушить.

— Да ни на чем! — в трубке слышно шуршание бумаг. — Несут какую-то пургу про курс доллара, логистику... Я им — контракт же подписан! А они — форс-мажор, говорят. Два рубля курс скакнул — и всё, катастрофа у них планетарного масштаба!

— Челябинцам звонил?

— Еще нет, хотел сначала с вами проконсультироваться...

— Звони немедленно. У них свой прокат, им до москов-

ских разборок дела нет. Если начнут выпендриваться — подключай Мельникова. Он их быстро построит.

— Понял. А если челябинцы тоже цену взвинтят?

— Тогда китайцам заказываем. Качество дерьмо полное, но для первого этапа сойдет. Потом разберемся.

— Принял. Но это еще не все! Бетонщики теперь...

Щелчок замка. Дверь ванной распахивается.

И у меня в голове происходит короткое замыкание.

Амина. В дверном проеме. Мокрая. Волосы прилипли к голове, с кончиков капает на пол. Кожа розовая от горячей воды, блестит, будто намазана маслом. И на ней...

Блядь.

На ней только полотенце. Крохотное гостиничное полотенце, которое прикрывает от груди до середины бедра. И все.

Капля скатывается с волос на плечо. Медленно ползет вниз по ключице. Собирается в ямочке у основания горла. Потом продолжает путь ниже, к краю полотенца, и ныряет под махровую ткань...

Куда она там покатилась? К груди? Между? Еще ниже?

— Алло! Демид Аркадьевич! Вы меня слышите?!

— А? Что? Да, слышу.

— Бетонный завод! Они поставку на неделю переносят! На целую неделю! Это же срыв всех сроков!

Амина застыла посреди комнаты. Глаза огромные, испуганные. Хватает край полотенца, дергает вниз — пытается

прикрыть ноги. Сверху показывается ложбинка между грудей. Паникует, тянет обратно вверх — снизу открывается бедро почти до самой...

— Демид Аркадьевич! Что с бетоном делать будем?! Это же катастрофа!

— Потом разберемся.

Швыряю телефон на столик. Он подпрыгивает, едва не слетает на пол.

Амина переминается с ноги на ногу. Левая лодыжка все еще опухшая — опирается на правую. От этого вся поза какая-то перекошенная, и полотенце натягивается в самых... интересных местах.

— Я думала, ты спишь, — голос у нее дрожит. Нервничает. — У меня тут... проблема возникла.

— Какая?

Проблема — это то, что я сейчас смотрю на нее и в голове у меня совершенно неподобающие мысли. О том, как бы стянуть это полотенце. Медленно. Сантиметр за сантиметром. И посмотреть, что там, под махровой тканью.

— Все мои вещи в машине остались. В рюкзаке. Я забыла взять. Совсем забыла. Голова дырявая.

— И?

— И мне нечего надеть! — щеки вспыхивают алым пятнами. — Вообще нечего. Даже... — голос падает до шепота, — даже трусов нет.

В паху мгновенно становится тесно. Джинсы, которые

утром сидели нормально, теперь давят невыносимо.

— Надень то, в чем была.

— Я все постирала! — машет рукой в сторону ванной. — Висит там мокрое. Да и грязное все было, воняло потом и дорожной пылью...

Поднимаюсь с дивана. Одним движением, не думая. Тело действует само.

Амина тут же отступает назад. Полотенце сжимает мертвой хваткой — костяшки пальцев белеют.

Делаю шаг влево. Она — вправо. Еще шаг. Начинаю медленно обходить ее по кругу, как хищник добычу.

Господи, какая же она бледная. Кожа почти прозрачная — вижу голубоватые венки на шее, на внутренней стороне запястий. Родинка под ключицей, размером с кофейное зерно. Еще одна — на шее, чуть ниже уха. Плечи узкие, хрупкие. Ключицы выпирают так, будто вот-вот прорвут кожу. Ноги длинные для ее маленького роста. Колени острые, как у подростка.

— Ч-что ты делаешь? — шепот еле слышный.

— Рассматриваю.

— З-зачем?

Хороший вопрос. Зачем я ее рассматриваю? Запоминаю? Изучаю?

Не отвечаю. Продолжаю медленный обход.

Она вспыхивает еще ярче. Румянец расплзается от щек вниз, по шее, исчезает под кромкой полотенца. Интересно,

докуда он доходит? До груди? До живота? Везде?

— Ключи в пиджаке, — киваю на кресло. — Бери и спускайся за вещами.

— Может... — она облизывает губы. Язык розовый, влажный. Блядь, ну что за наваждение. — Может, ты сходишь? Пожалуйста? Ну пожалуйста! Я же так не могу!

— Твои вещи — твои проблемы.

— Но ты же мужчина! — в голосе появляется возмущение. — А я... мне же так нельзя!

— Что тебе нельзя?

Возвращаюсь на диван. Сажусь, демонстративно закидываю руки за голову. Мол, мне вообще все равно. Хотя на самом деле...

На самом деле я сейчас думаю, сколько понадобится охранникам и прочим мужикам в этой гостинице, чтобы раздеть ее взглядом. Секунда? Две?

— Там же люди! В коридоре! — голос взлетает до писка. — Мужики всякие! И камеры! Вдруг запишут, потом в интернет выложат?!

— Не выложат. У них лицензию отберут за такое.

— Но смотреть-то будут! Пялиться! Облизываться!

Внутри что-то неприятно сжимается. Не нравится мне эта мысль. Совсем не нравится. Но любопытство сильнее. Что она придумает? Как выкрутится?

— Три варианта, Мила. Первый — просишь меня по-человечески, нормально. Второй — идешь сама в чем мать ро-

дила. Третий — сидишь тут голая до вечера.

Вижу, как она грызет нижнюю губу. На лице целый калейдоскоп эмоций — злость, отчаяние, расчет.

— Ладно! — выплевывает. — Дима, дорогой, любимый, распрекрасный! Будь добр, снизойди до просьбы несчастной девушки! Принеси мой рюкзак! Умоляю на коленях!

Издевается, зараза. Но двое могут играть в эту игру.

— Так встань на колени, раз умоляешь.

Глаза становятся размером с блюдца. Потом сужаются в злые щелочки.

— Знаешь что? К черту тебя!

Марширует к креслу. Выдергивает ключи из кармана своего пиджака.

А потом...

Господи, она что, совсем охренела?

Амина хватает полотенце и срывает его одним движением. Швыряет мне прямо в лицо.

Махровая ткань шлепается на колени, а я...

Я просто выпадаю из реальности на несколько секунд.

Она стоит передо мной абсолютно голая. Злая. Дерзкая. Прекрасная в своей безбашенной храбрости.

Маленькая грудь — да, совсем небольшая, но идеальной формы. Живот плоский, даже чересчур — ребра проступают при каждом вдохе. Острые косточки таза. А между ног аккуратный треугольник темных волос.

В горле мгновенно пересыхает. Кровь несется вниз со ско-

ростью экспресса. В ушах шумит так громко, что собственные мысли не слышу.

— Что, дар речи потерял? — в ее голосе злость пополам с истерикой. — Не ожидал такого?

Ожидал? Я вообще нихрена не ожидал. Думал, поноет, может слезу пустит, попросит нормально. Но чтобы вот так взять и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.